

Глава 19. Восемнадцать (2020, осень)

Три маленькие фигуры медленно приближались по каменным ступеням насыпи. Свет от фонаря или чего-то подобного покачивался над травой, отбрасывая замысловатые тени.

— Подожди.

Ицуки осторожно высвободил руку из вцепившейся в него ладони Акиры и направился к фигурам. В свете фонаря было видно, что человек был низкого роста — едва ли до плеча Ицуки. Этот человек протянул скрюченную руку, коснулся щеки Ицуки и обнял его. Ицуки, улыбаясь, похлопывал его по спине. Двое других тоже касались волос и тела Ицуки, гладили и поглаживали, а их руки при этом двигались в каких-то сложных формах.

Язык жестов...

— Акира.

Позвал Ицуки.

Акира, шатаясь, поднялся и, оставив за спиной лежащего Хаяту, шагнул в круг света от фонаря.

И тут фигура, прижимавшаяся к Ицуки, резко отстранилась и распростёрлась ниц на сухой траве... Ицуки издал растерянный голос, но в ответ прозвучало лишь одно-единственное слово, похожее на упрёк.

Фигура, распростёртая ближе всех к Акире, заговорила приглушённым, неразборчивым голосом. Он скрипел, будто голосовые связки давно не использовались, и был невнятен, словно во рту что-то было...

— «Гос...подин... мы, племя... привет...ствуем... тебя... в нашей... деревне...»

— Дед.

— С лёгким раздражением вмешался Ицуки. Он быстро задвигал руками, сообщая что-то. После какого-то обсуждения Ицуки сказал:

— «Голос племени... мне... трудно. Дед... говорит руками. Я... говорю голосом».

— «Переводчик»...?

Акира немного подумал, затем сунул указательный палец в рот и протянул его человеку, которого считал отцом Ицуки. Отец Ицуки — то ли от благоговейного страха, то ли от испуга — резко отшатнулся и, прижавшись лбом к земле, съёжился.

— Акира...

Грустно сказал Ицуки.

— «Получить... кровь Акиры... это... особенное. Я... не знал. ...Поэтому... все... не принимают».

— А?

Акира понимал, что для пришлых людей получение крови от пса-отброса было табу, но он и представить не мог, что для племени это тоже так.

— Эй, а... а ты сам-то в порядке? Тебя не ругают? Или... неужели... есть какое-то наказание...

— Всё в порядке.

Ицуки улыбнулся.

— «Меня... благословили. Дед... говорит. Но... остальным... нельзя. Акира... мой... компа...тибл... Ашуэра».

Ицуки произнёс какое-то неразборчивое, незнакомое слово.

— «Акира... только мой».

— Если ты не влипнешь в неприятности, то ладно... Но что это значит? Это... «кон»...

— «Акира — только мой»

— вот что.

Мягко сказал Ицуки и, взяв Акиру за руку, осторожно подвёл его к сородичам.

— «Это... дед... А это... дядя Кака. Это... Нэнэ. В животе... ребёнок».

— Это твоя семья, да...

— «Брат... сестра... работают в Тибете. В деревне... только те, кто не работает».

— А мама и дядя не работают?

Он грустно сказал: — «Племя... долго не живёт. Уже... не работают».

И действительно, представленные мать и дядя выглядели ужасно старыми... Даже если не считать того, что их тела были искалечены болезнью, они казались гораздо старше деда Хаяты, которого он видел днём.

— «Все... рады Акире. Сюнта... тоже... оставайся... сколько хочешь».

Напряжение спало, и Акира едва не рухнул на месте.

Он опустился на колени перед распростёртым отцом Ицуки.

— Спасибо... Спасибо вам большое.

Звон в ушах, появившийся при появлении ложного козодоя, к тому времени уже прекратился.

Той ночью Акира вместе с Хаятой остался в поселении племени. Была глубокая ночь, но люди выходили из домов и кланялись каждый раз, когда Акира проходил мимо. Ицуки, похоже, это тоже смущало: он переводил взгляд с Акиры на людей и виновато улыбался...

Ужин, хоть и скромный, но явно приготовленный с предельной заботой... Подали незнакомое зерно (просо или чумиза?), сушёную рыбу, тушёную тыкву и овощной суп с тофу. (Хаята почти не притронулся ни к чему, кроме супа)

В одной из комнат главного дома постелили несколько слоёв футонов, и Акира спал рядом с Ицуки, положив головы на подушки в ряд. Для Хаяты, как сказали, из-за лечения приготовили отдельную комнату.

(Завтра... вернёмся домой...)

Погружаясь в дрему, Акира продолжал размышлять.

(Когда вернёмся... всё ведь будет как раньше, правда? Если Хаята, на которого охотился козодой, будет далеко... то и мама наверняка поймёт меня... и скажет «с возвращением», правда?

Но почему... только я смог узнать Хаяту? Может, потому что я сам был на волосок от того,

чтобы стать целью козодоя... Или... потому что я получил кровь Ицуки... потому что не подчинился их промыванию мозгов... Ицуки... он и тогда пришёл... кровь...

Ицуки...)

— Ах!

Акира вдохнул и проснулся.

В комнате пахло чем-то старым, сандалом и дягилем. Он смотрел в тёмный потолок, затянутый пологом от москитов. Футон был тонким и тяжёлым, сковывал дыхание Акиры.

В горле пересохло...

В распахнутом окне клонила к закату круглая луна.

Рядом, всё ещё с человеческим профилем, спал Ицуки...

Во рту собралась слюна, и Акира в одиночестве сглотнул её.

Дыхание становилось всё более поверхностным и частым...

(Хочу)

Стоило ему сформулировать это в мыслях, как отрицать это стало уже невозможно.

Жажда жгла огнём, и он инстинктивно понимал: утолить её может только кровь. Акира не получал кровь уже несколько дней, к тому же в тот день он полностью истощил силу трансформации и отдал Хаяте огромное количество крови...

<http://bllate.org/book/18129/1740687>